К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ УСЛУГ

Е.П. Дятел
д.э.н.,
УралГАХА,
Н.В. Голомолзина,
УралГАХА

Ключевые слова: экономическая теория, товарное производство, производство услуг, трехсекторная экономика

Существуют различные точки зрения на то, как и когда зародились товар и товарное производство. Что же касается «услуг» дискуссионными являются понимание и трактовка их экономической сущности, тогда как мало кто будет оспаривать, что услуги зародились вместе с возникновением общественной жизни. Цель нашей статьи, рассмотреть услуги как экономический феномен, находящийся в историческом и логическом единстве с товарным производством.

Исторический анализ можно было бы начинать с первых свидетельств обмена, восходящих, по мнению некоторых археологов, к верхнему палеолиту. Но проблема, вынесенная в заглавие статьи, предполагает, что указанное единство должно быть обнаружено не только в исторических свидетельствах, но и в первоисточниках, свидетельствующих о теоретическом осмыслении экономических явлений.

В развитии предмета экономической теории выделяют три этапа: экономия, политическая экономия, экономикс.[1] Эту точку зрения можно откорректировать на основе высказываний Й. Шумпетера о том, что вплоть до XVIII века, не возникло полноценной экономической науки. У древних греков существовали «зачатки экономического анализа». Конкретизируя свою мысль, он относит подобные зачатки к основанным на здравом смысле «вечным экономическим банальностям».[2] Однако нужно иметь в виду особенности анализа истории экономической мысли Й. Шумпетером. Хотя они в той или иной мере растворены в его незаконченной работе и сопровождаются многочисленными оговорками, очевидно, что Й. Шумпетер придерживается: во-первых, принципа методологического индивидуализма, во-вторых, признает в качестве специфического метода экономической науки маржинальный, т.е. предельный анализ.

В своем современном (и шумпетеровском) понимании указанные методологические принципы сформировались не сразу. Мы можем проследить историю их становления, если обратимся к принципам монизма и совпадения логического и исторического.

В работах К. Маркса принцип совпадения логического и исторического получил образное выражение: «Анатомия человека – ключ к анатомии

---

[1] Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. Учебник для вузов. М.: Норма, 2000. С.1.
[2] Йозеф А. Шумпетер. История экономического анализа. В 3-х томах. СПб.: Экономическая школа, 2001.Т.1. С. 68.

обезьяны».[1] Применительно к политэкономическому анализу К. Маркс замечает: «было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в какой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития».[2] В данной своей работе он определяет начало экономического исследования вопреки тому, что впоследствии мы видим в «Капитале»: «Индивиды, производящие в обществе, – а следовательно общественно-определенное производство индивидов, – таков, естественно, исходный пункт».[3]

Анализируя товарное производство как основу капитализма, К. Маркс отказался от прежнего исходного пункта, но принцип монизма – выведения всей системы категорий из единого начала, сохранился. Теперь исходный пункт – товар как элементарная клеточка буржуазного богатства.[4] Собственно говоря, указанный принцип составляет азбуку научного исследования. Еще Аристотель писал: «наука связана с доказательством, а для того, чьи принципы могут быть и такими и инакими, доказательство невозможно».[5]

Сопоставляя «товар» и homo œconomicus как альтернативные исходные пункты построения экономической теории, необходимо отметить, что в методологическом плане они не тождественны. Принцип монизма в том и другом случае реализуется по разному. Применительно к homo œconomicus мы считаем возможным говорить о принципе строгого методологического индивидуализма, позволяющего применять математические методы анализа. Принцип монизма в марксистской экономической теории имеет другой смысл и другое значение, восхдящее, по нашему мнению к Аристотелю и его «Аналитикам».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что если в качестве единственного начала для построения экономической теории у нас будет выступать принцип методологического индивидуализма, то мы не сможем по достоинству оценить вклад в построение здания экономической науки, сделанный К. Марксом, Аристотелем, или другими учеными, находящимися за пределами современного мейнстрима.[6] Возникает вопрос: возможен ли научный метод экономического исследования, не совпадающий с предельным, основанным на дифференциальном исчислении анализом и использующий в

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд.2. Т.46. Ч.I. С.42.

[2] Указ. соч. С.44.

[3] Там же. С.17. Это высказывание можно было бы трактовать как шаг в сторону принципа методологического индивидуализма. Однако К. Маркс не рассматривает индивида «при прочих равных условиях», а всегда как общественно определенного индивида.

[4] Указ. соч. Т. 23. С. 43.

[5] Аристотель. Никомахова этика, 1140a34-35.

[6] Обозначим эти пределы словами Й. Шумпетера: «Давайте вспомним наше разграничение между экономической мыслью – теми взглядами по экономическим вопросам, которые преобладают в любое данное время в любом обществе и принадлежат скорее экономической истории, чем истории экономической науки, – и экономическим анализом, который есть результат научных усилий в нашем смысле слова». Указ. соч. С. 63.

качестве специфического инструмента познания логические понятия и категории?

Метод

Плывя по течению мейнстрима, мы, к сожалению, не всегда видим, что находится на берегу. Поэтому, хотя нам импонирует утверждение раннего К. Маркса о «специфической логике специфического предмета»,[1] не позволяющее исследователю смешивать разнородные феномены общественной жизни, напомним, что оно соответствует скорее гегелевской, чем марксистской методологии. В марксизме принцип совпадения логического и исторического был заменен принципом единства исторического и логического, а принцип монизма получил свое первоначальное, восходящее к «Аналитикам» Аристотеля звучание, как объяснение любого явления, исходя *из единой причины и единого основания*. Поскольку у Стагирита единым основанием была «материя», постольку мы считаем правильным использовать выражение «материалистический монизм». На этой основе становится возможным восхождение от частных, онтологических характеристик бытия к его целостному видению. Не приводя в данному случае рассуждений Аристотеля о диалектике формы и материи (на примере творений скульптора), попробуем выявить логическую цепочку подобных рассуждений. На наш взгляд, это движение от родового признака явления к констатации его материальной основы, затем выявлению формы движения (развития) с последующим определением единства формы и содержания.[2] Указанные принципы были применены в «Капитале» К. Маркса, что позволило нам охарактеризовать систему исходных экономических категорий этого произведения в рамках единой структурно-логической схемы[3]:

Полезность	Потребительная Стоимость	Меновая стоимость	Общественная потребительная стоимость
			Овеществленный труд
Труд вообще	Конкретный труд	Абстрактный труд	Общественно необходимый (частный) труд
Простой средний труд			
Простая, единичная, или случайная форма стоимости	Полная, или развернутая форма стоимости	Всеобщая форма стоимости	Денежная форма

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд.2. Т.1. С. 325.
[2] Подробнее см: Дятел Е.П. Экономический образ мышления (представления, понятия, система категорий). Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 1998. С. 54.
[3] Дятел Е.П. Системный анализ объекта и предмета политической экономии в «Капитале» К. Маркса. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987. С. 127.

Подобные логика и структура построения системы экономических категорий может быть применена также к базовым экономическим понятиям неоклассики, включая определение предмета экономической науки Л.Роббинсом[1]:

Потребность	Благо	Экономическая потребность	Экономическое благо
			Принцип максимизации (экономический принцип)
Выбор	Ограниченность ресурсов	Альтернативное использование ресурсов	Реальный доход (чистая выгода)

Мы считаем, что в представленных выше структурно-логических схемах экономических категорий находит свое отражение исторически сложившийся образ экономического мышления, нашедший свое научное выражение в марксистской политэкономии товарного производства[2] и неоклассике. Попробуем найти нечто подобное в трудах «древних греков», в частности, Аристотеля.

В качестве первых научных трудов, в которых в той или иной степени определяется предмет экономической теории, рассмотрим произведения Аристотеля: Никомахова этика, Большая этика, Политика. Разумеется, у Стагирита были предшественники, включая Ксенофонта, который, судя по известным нам литературным источникам, первым ввел термин «экономия». Однако в данном случае мы принимаем во внимание приоритет не в экономическом описании хозяйственных явлений, а формировании соответствующего категориального аппарата, одной из предпосылок становления которого были труды Аристотеля по логике науки.

Небезинтересен тот факт, что в упомянутых произведениях в качестве исходных понятий используются сознательный выбор, благо, желание (потребность) и другие категории, известные нам по произведениям А. Маршалла и других основоположников неоклассики. Вместе с тем, можно констатировать своеобразный дуализм исходного пункта экономических рассуждений Аристотеля.

Аристотель выделял науку о домохозяйстве, т.е. экономию в собственном смысле слова, и хремастику – искусство беспредельного накопления богатства, символом которого является ростовщичество и накопление денег. Обратимся к аристотелевскому анализу «экономии», которая, по его мнению, составляет основу хозяйственного и политического устройства общества.

---

[1] Дятел Е.П. Экономический образ мышления (представления, понятия, система категорий). С. 78. (В приведенную выше структурно-логической схему нами внесены определенные уточнения по сравнению с цитируемым источником – Е. Дятел).

[2] Мы абстрагируемся в данном случае от марксовой теории прибавочной стоимости, выходящей, по нашему мнению, за рамки классической политической экономии.

Свой метод Аристотель характеризует в кн. 1 Политики.[1] Прежде всего это дедукция, позволяющая из базового понятия – государства, вычленить элемент объема понятия – человека, и первичное объединение людей – домохозяйство. Цель последнего – воспроизводство человеком себя и себе подобных. Из домохозяйств состоят селения, из селений – государство. Таким образом, Аристотель проходит путь, который был позже назван восхождением от абстрактного к конкретному, намечая, а затем конкретизируя черты специфического объекта научного познания.

Родовой признак человека заключается в том, что он «есть по своей природе существо политическое», т.е. участвующее в общении «ради какого-либо блага». Подобное общение основано на том, что «один только человек из всех живых существ одарен речью», и, следовательно, способностью к сознательному выбору. Если же вспомнить, что возникновение членораздельной речи знаменовало собой революцию в обмене информацией между человеком и природой[2], то материальной основой общения было создание и распределение специфического блага – информации, ее передача от властелина к слуге и обратно, от мужчины к женщине, от отца к детям, от хозяина рабу. Информационная основа активной человеческой деятельности[3] является причиной становления государства и домохозяйства – тех форм «общения», в которых господину служат люди и вещи. Значительное число высказываний Аристотеля по этому поводу[4] позволяет нам, в качестве одной из базовых категорий домохозяйства, ввести «услугу». Наш вывод подтверждается широким использованием данного понятия в Никомаховой этике, где рассматривается деятельность и ее цели, а также другие основополагающие категории будущих политической экономии и экономикс. Услуге в ней посвящены: 1124b10-20, 1133a1-5,1158a15-20, 1163b20-25,1164b5-30.

Вышесказанное позволяет нам считать, что для Аристотеля экономия как наука о домохозяйстве ориентирована, прежде всего, не на homo œconomicus, озабоченного максимизацией реального дохода, а на человека «политического», ориентированного на общение с себе подобными. Главной его характеристикой и отличием является оказание услуг в целях гармоничного развития общества (государства, домохозяйства и др.). Аристотель следующим образом характеризует идеальный образ такого человека: «Следовательно, добродетельному надлежит быть себялюбом (ведь, совершая прекрасные поступки, он и сам получит пользу и окажет услуги другим» (1169a10-35). Эта характеристика «человека эгоистического», данная задолго до А. Смита; возможно, заимствованная последним и ставшая, вопреки замыслу Аристотеля,

---

[1] Аристотель. Политика, 1252a15-25. Дальнейшее раскрытие метода осуществляется на протяжении всего произведения через диалектику объекта и предмета исследования.

[2] Наша точка зрения представлена в работе:. Дятел Е.П. Экономический образ мышления (представления, понятия, система категорий). С. 38-41.

[3] О различении активной и продуктивной деятельности см.: цит. соч., 1254a1-10.

[4] «Жизнь – активная деятельность, а не продуктивная; значит, и раб служит тому, что относится к деятельности активной» (1254a1-10); «некто обучал людей рабству: за известное вознаграждение он преподавал молодым рабам знания, относящиеся к области обычного рода домашних услуг» (1255b20-25); «предметом ткацкого искусства является не изготовление шерсти, но использование ее, умение распознать, какая шерсть доброкачественна и пригодна, какая недоброкачественна и непригодна» (1258a25-30).

отправным пунктом для концепции homo œconomicus. Но в цитируемой нами работе добродетельный человек – элемент государства, представляющего собой способ наилучшего общественного устройства. Для дальнейших определений, наверное, можно использовать высказывания Платона или Аристотеля, но опыт исторического развития феодальных государств, восточных и западных империй предлагает нам родовое имя «служивого человека», который, независимо от того, является ли он податным крестьянином или владельцем поместья, выполняет строго определенную функцию в иерархии государственных обязанностей. Ориентируется этот человек отнюдь не на принцип максимизации реального дохода (личной имущественной выгоды), а на «принцип взаимного воздаяния» (1261a30-35). В этом случае успешно достигается важнейшая из целей, к которой он стремится: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» (1252a1-10). Вышеизложенное дает нам возможность построить следующую систему базовых экономических категорий государства как идеальной формы общественного устройства:

Потребность	Благо	Потребность в общении («политическом»)	Услуга как форма взаимодействия людей
			Принцип взаимного воздаяния
Сознательный выбор	Деятельность (деяние)	Совокупность целей (альтернатив)	Достижение «высшего блага»

Такой подход к определению экономических (экономия – наука о домоведении, домохозяйстве) основ общественного устройства не означает, что Аристотелю был неизвестен homo œconomicus как особая разновидность эгоистического человека. Его анализ поведения этого человека, определения потребительной и меновой стоимости, природа денег и др. (1132b30-1133a25) во многом были заимствованы А.Смитом и К. Марксом. Но homo œconomicus (мы используем этот термин как исходный пункт становления экономикс) противопоставлялся Аристотелем добродетельному человеку как некое отклонение от правильного хода вещей, правильного общественного устройства. Над этим можно иронизировать, но не следует забывать, что многие современные авторы таким отклонением считают попытки организовать экономику в соответствии с указаниями Платона и Аристотеля. Конечно, «идеального» государства быть не может, но не хотелось бы с водой выбросить ребенка, позабыв о двуединой природе «эгоистического человека». Он производит не только товары (экономические блага), но и услуги, в том числе в указанном Аристотелем смысле. А это означает, что необходимо глубже разобраться в экономической природе феномена услуг.

Услуга

Услуги распространены повсеместно, они есть в рыночной и командной экономике, их получают в семье, на предприятии, в местах общественного пользования. Рядовой человек легко ориентируется в мире услуг, следовательно, у каждого из нас есть достаточно верное представление о данной экономической категории. Вместе с Вл. Далем мы могли бы сказать: «*Услуга*, самое дело, помощь, пособие или угожденье».[1] Авторы серьезных экономических изданий дают иную формулировку: «Для разграничения с товаром (материальным благом) говорят об услуге как нематериальном благе. Типичным признаком услуги является одновременность ее предоставления и потребления (например, поездка в такси, укладка волос в парикмахерской)».[2] Такое понимание услуги встречается и в учебниках экономической теории: «Услуга (service) - то, что неосязаемо (невидимо) и в обмен на что потребитель, фирма или правительство готовы предоставить что-либо ценное».[3] Возникает противоречие не только с повседневной практикой – разве можно считать неосязаемыми услуги парикмахера или таксиста, как, впрочем, и любой другой вид услуг (ни один покупатель не оплатит «неосязаемые» услуги!), но и с принципом материалистического монизма. Чтобы разрешить указанное противоречие, необходимо найти материальную основу услуги.

Мы высказали предположение, что этой основой может быть информация. Последняя имеет двоякую природу. С одной стороны информация – атрибут материи, с другой в ней находит свое выражение изоморфизм мышления и бытия, их структурное единство. Поскольку услуга не существует вне ее сознательного восприятия услугодателем и услугополучателем, постольку мы можем считать информацию специфической материей (материальной основой) услуги. В этом смысле она неосязаема, т.е. не может быть отождествлена с вещественными или энергетическими благами. Но следует помнить, что информация является редким благом только в том случае, если она превращается в объект собственности, который всегда имеет вещное содержание, даже если оно сводится к совокупности символов, например, фиксирующих на бумажном или электронном носителе авторские права.

Услуга реализуется в пользовании. Как некая полезность она не обязательно совпадает с информационным носителем. Извлекаемая услугополучателем полезность может предоставляться непосредственно услугодателем (парикмахер) или путем использования принадлежащих ему вещей (аренда автомобиля). В этом случае применимо определение услуги К. Марксом: «услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости – товара ли, труда ли…».[4] Такой подход открывает нам путь к пониманию позиции Л.Вальраса, высказавшегося в пользу всеобщего

---

[1] Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Русский язык, 1980. С. 512.
[2] GaЬler Wirtschafts-Lexikon. 15 Auflage. Gabler Ver1ag, 2001.
[3] Макконнелл Кэмпбелл Р. Брю Стэнли Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т.: Пер. с англ. 11-е изд. М: Республика, 1993. (Предм. Указ.)
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.23. С.203-204.

характера услуг как продукта экономической деятельности: «Производственных элемента три: труд, земля и капитал… Труд – это услуга, связанная с личными способностями, или услуга людей; следовательно, рядом с ней надо ставить не землю или капитал, а ренту, или услугу земель, и прибыль, или услугу капиталов».[1]

Услуги бывают двух видов. «Есть такие услуги, которые поглощаются как таковые в ходе частного либо общественного потребления: таковы свойство дома быть укрытием, консультации адвоката, врача, пользование мебелью, одеждой. Мы будем называть их потребляемыми услугами. А есть такие, которые преобразуются сельским хозяйством, индустрией, торговлей… в продукты: таковы плодородие земли, труд рабочего, использование машин, станков, инструмента. Мы будем называть их производительными услугами».[2] Эта классификация напоминает деление благ на предметы потребления и косвенные блага, или средства производства. Признаком косвенного блага является то, что оно используется иным, отличным от естественного употребления, способом. Например, зерно можно съесть или посеять в почву. В первом случае оно будет предметом потребления, во втором – косвенным благом. Превращение вещей или услуг в товары делает все их косвенными, или экономическими благами, по крайней мере, на то время, пока они находятся в сфере обращения. Таким образом, мы имеем дело с двояким бытием предметов потребления и услуг:

1) в том случае, когда они используются по естественному назначению, мы можем их назвать естественно выросшими благами и услугами;
2) общественное, экономическое использование благ и услуг превращает их в экономические, или редкие, блага и услуги.

Признание двоякого бытия благ и услуг требует внесения изменений в структуру и логику базовых категорий экономической науки. Теперь мы ее представим в следующем виде:

Потребность	Благо	Потребление	Услуга (извлекаемая полезность)
			Принцип взаимного воздаяния/обмен
Сознательный/ рациональный выбор	Деятельность/ труд и другие ограниченные ресурсы	Совокупность целей/альтернативное использование ресурсов	«Высшее благо»/реальный доход
Принцип оптимизации социально экономической структуры / максимизации дохода			
Институциональная/	Естественно	Институциональное/	Естественно

[1] Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000. С.150.
[2] Там же. С.152.

экономическая потребность	выросшее/ экономическое благо	рациональное (экономическое) потребление	выросшая/ экономическая услуга

Согласно предложенной структурно-логической схеме у нас получается, что до момента «выбора» мы имеем дело с естественно выросшими формами человеческого общения, или, говоря словами К. Маркса, первичной общественной формацией.[1] Выбор может быть двояким:

1) в соответствии с естественно выросшими нормами поведения мы получаем аристотелевское «высшее благо» - различные формы государственного, говоря современным языком – институционального, устройства экономики и общества;
2) на основе рационального выбора формируется экономическое поведение индивида (homo œconomicus), развивается рыночная экономика.

Поскольку ни та, ни другая форма общественного устройства не способны функционировать в чистом виде, реально существует смешанная экономика. Вопрос состоит лишь в том, какая форма поведения и какая совокупность благ и услуг господствует в данном обществе?

Услуги в экономической истории общества

Существуют широко известные и детально разработанные схемы эволюции экономической жизни общества и развития экономической теории. Базовыми для нас являются представления о хозяйственном развитии как смене доиндустриальной (аграрной), индустриальной (промышленной) и постиндустриальной (информационной) фаз экономической жизни общества. Дополним общепринятую периодику указанием на то, что каждая из фаз характеризуется революционными сдвигами в обмене между обществом и природой. Возникновение аграрной экономики стало результатом революции в обмене веществ между обществом и природой (неолитическая революция, или возникновение производящего хозяйства). Индустриальная экономика характеризуется революцией в энергетическом обмене между обществом и природой (революция пара, затем электричества и др.). Постиндустриальная экономика возникает на базе революционных изменений в обмене информацией.[2]

Мы обращаем внимание на указанные особенности экономического развития общества потому, что с ними тесно связаны технологические и экономические характеристики процессов производства и обмена продуктов, а, в конечном счете, и прав собственности на последние. Например, в условиях аграрной экономики продукты производятся преимущественно для собственного (натурального) потребления, а в сферу обмена поступают излишки производства. Это не означает, что люди начинают обмениваться только тогда, когда возникают излишки, которые в марксистской терминологии обозначаются через понятие «прибавочный продукт». Напротив, археологические и

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.19. С.413. О вторичной, или «экономической общественной формации» К. Маркс говорит в «Капитале» (там же, Т. 23. С.10).

[2] См.: Пространственная организация общества. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 2007. С. 208-219.

этнографические свидетельства товарного обмена относятся к обмену необходимым продуктом, например, каменными орудиями труда на продукты повседневного потребления.

Итак, речь идет об «излишке производителя», а не о «прибавочном продукте». Например, каменные орудия изготавливались отдельными мастерами в их «свободное время», требовали непропорционального с точки зрения товарообмена количества труда и особого, присущего лишь отдельным индивидам искусства ремесла. Изготовитель мог отдать их в пользование тем или иным членам общины. Взамен он получал право участвовать в дележе охотничьей добычи. Здесь возникают отношения взаимного воздаяния, а не эквивалентного обмена. Чтобы воздание осуществлялось нужно «ответить угождавшему услугой за услугу».[1]

У Аристотеля (как и в жизни) не совсем ясно разграничение между воздаянием и обменом. Он вводит понятие пропорционального воздаяния, затем пропорционального равенства, затем расплаты, и наконец, сопоставимости всего, что участвует в обмене. Нам представляется, что уточнение возможно на основе анализа информационной основы воздаяния и обмена. Эквивалентность того и другого, мы, вслед за Аристотелем, не подвергаем сомнению. Однако в «государственных» отношениях исходят из этических норм и соответствующей информации: «либо стремятся [делать] зло в ответ на зло, а [вести себя] иначе кажется рабством, либо – добро [за добро], а иначе не бывает передачи, между тем как вместе держатся благодаря передаче».[2] Напротив, в хремастике равенство устанавливается на основе экономической информации: «все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется».[3]

Революционные изменения во взаимоотношениях общества и природы и их влияние на экономическую жизнь общества

Неолитическая революция привела к возникновению производящего хозяйства – земледелия и скотоводства. Многократно увеличились возможности человека в присвоении предметов потребления – пищи, одежды и т.п. Это явление мы охарактеризовали как *революцию в обмене веществ между обществом и природой*. Она сопровождалась вторичными революциями – в обмене энергией – путем использования новых энергетических источников, например, в виде тягловой силы животных; в обмене информацией – в различных регионах земного шара возникла письменность. Произошла революция в освоении пространства, его социальной и экономической организации, даже время изменило свои социальные и экономические характеристики.

Археологические источники, свидетельствующие о возникновении письменности, показывают, что подавляющее большинство шумерских

[1] Аристотель. Никомахова этика, 1133a1-5.
[2] Там же, 1132b35-1133a2.
[3] Там же, 1133a19-22.

глиняных табличек составляли расписки, счета и иные экономические документы. На наш взгляд, это доказывает, что информационная революция, происходившая в рамках аграрной экономики, знаменовала возникновение экономической информации. Она представляла собой целиком общественный продукт, подчинявшийся законам экономической общественной формации. Экономическая информация представляла собой редкое благо, поскольку в своих существенных характеристиках была неотделима от того или иного материального продукта, например, золота, соли, ракушек каури. Все они имели общие черты: однородность, делимость, сохраняемость и др., делавшие их:

1. естественно выросшими продуктами с ограниченной в силу природных особенностей эластичностью производства;
2. схожими с серийными продуктами индустриальной эпохи;
3. продуктами с предсказуемой предельной нормой замещения по отношению ко всем товарам, $\lambda = 1$. Это превращало их в универсальные единички экономической информации, что создавало условия для самоорганизации рынка, его работы в качестве первого естественно возникшего компьютера.

С момента возникновения письменности информационные потоки разделились. Вторыми по количеству табличек, и, возможно, первыми по значению являлись политические и религиозные документы. Они регламентировали предоставление услуг. Мы не будем подробно рассматривать историческое развитие естественно выросших, а затем институциональных услуг. Отметим лишь, что такое развитие совпадает с осмыслением социально-экономической, в том числе политической, роли государства и иных общественных институтов.

Индустриальная революция, или *революция в обмене энергией между обществом и природой* стимулировала появление машин, сердцевиной которых стал двигатель – искусственный энергетический источник, использующий для производства энергии неорганические ресурсы. Машины создают однородные, серийные продукты. Эластичность их производства ограничена, с одной стороны, запасами специфических природных ресурсов, с другой, возрастающими и в перспективе неограниченными источниками энергии, предельная норма замещения которой по отношению к серийным товарам также может быть принята за единицу. С этого момента товар начинает претендовать на роль экономической клеточки общественной жизни.

Анализ товарного производства, изменение роли услуг представлены в многочисленных произведениях экономистов, начиная с А. Смита. Среди них выделяются работы К. Маркса, на которых мы подробнее остановимся ниже.

Переход к постиндустриальному обществу, совпадает, по нашему мнению, с *революцией в обмене информацией между обществом и природой*. Отметим, что мы уже имели дело с великими информационными революциями: возникновением членораздельной речи, письменности, денег как носителя экономической информации и рынка как экономического «компьютера». Особенность революции, о которой идет речь в данном месте, заключается в ее технологическом происхождении. Она, как нам представляется, совпадает с изобретением персонального компьютера, Интернета и снимает локальные, т.е.

пространственные, а в каком-то отношении и временные, ограничения доступа к информации отдельных лиц и общества в целом.

Информационная доступность создает возможность персонализации производства и потребления. Это может быть и производством самых сложных технических изделий – например, современных легковых автомобилей, по индивидуальному заказу, и извлечение из каждой вещи строго определенных полезных свойств. Как отмечалось выше, извлечение полезных свойств может быть охарактеризовано как услуги тех или иных вещей или трудовой деятельности людей. Это приводит к внешне гиперболизированному развитию сферы услуг, которая по статистике создает в современном обществе до 70% ВВП[1], и появлению соответствующих форм экономических отношений, включая лизинг, аутстаффинг и др. Возникает необходимость дальнейшего развития экономической теории услуг.

Классическая теория услуг

Классическая теория услуг охватывает период с конца XVIII до середины XIX века. Это, прежде всего, Адам Смит и его разделение населения на производительные и непроизводительные элементы. Следы разделения на производительные и непроизводительные элементы есть и в работах более ранних экономистов, особенно сторонников системы меркантилизма, но с финансовым акцентом. Их взгляды главным образом определялись практическими целями: получить лучшее понимание способов принесения денег в государственную казну. По существу, в работах сторонников системы меркантилизма нет никакой теории услуг. Их работы посвящены внешней торговле и морскому транспорту, которые для них были наиболее доходными видами экономической деятельности. Несмотря на то, что можно рассмотреть их фокусировку на внешней торговле и морском транспорте как начало теории услуг, в которой транспорт и торговля сегодня относятся к третичному сектору или сфере услуг, это было бы неправильным толкованием меркантилистской теории.

Меркантилисты считали, что страна становится тем богаче, чем больше она экспортирует, а золото - основной источник богатства. Деньги, то есть драгоценные металлы, были мерой и результатом всех видов экономической деятельности. Поэтому общественно полезные деятельности определялись по их вкладу в приобретение конкретного товара (золота).

Для классических авторов, и, прежде всего для Адама Смита, экономические приоритеты были другими. Капитализм в основном полагался на производство товаров. Услуги были для них противоположностью производства.

А.Смит (1723-1790) был первым экономистом, который, живя в период экономического роста и социальных изменений, сформулировал теорию

[1] Уже сейчас в развитых странах сфера услуг является доминирующей отраслью экономики, на которую приходится более 70% ВВП и около 70% занятых (Рынок услуг ФРГ // БИКИ. 2006. 6 июня (№63). С.4). Даже в России, несмотря на десятилетия наличия в экономике страны гипертрофированного промышленного сектора, сейчас преобладает именно сфера услуг. Доля занятых в третичном секторе (сфера услуг) российской экономики в 2005г. составила 60,0 % (Капелюшников Р. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика // Вопросы экономики. 2006. №10. С.23).

накопления капитала. Непроизводительные расходы рассматриваются как лишний вес, как тормоз в накоплении капитала. Типичный пример непроизводительных расходов в том представлении - услуги, которые тогда включали главным образом личные услуги. Для Смита термины услуги и непроизводительные расходы синонимичны.

Общеизвестно, Адам Смит считал занятость в сфере услуг непроизводительной, но экономистами редко отмечается логика его позиции при анализе роли капитала в ранней рыночной экономике. Мы убираем эти упущения и обращаем внимание на то, до какой степени сегодняшняя широко распространенная точка зрения на низкую производительность услуг, по крайней мере, частично прослеживается непосредственно в работах А. Смита.

Анализ работ А.Смита позволяет выделить два критерия производительного труда. Во-первых, Смит считает, что существуют два вида труда: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй - непроизводительным. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыли его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости».[1]

По этому определению, наемный работник производит стоимость только в том случае, если его заработная плата может быть истолкована как приращение капитала. Такой подход является обобщением меркантилистской позиции. Он точно отражает характер выплаты заработной платы в торговом капиталистическом обществе, где труд оценивается по тому, производит ли он возврат средств, вложенных в него. Материальный результат труда не имеет здесь значения. Предметом обсуждения является не то, что сделано посредством труда, а доход, который он производит. В некотором смысле, Смит заявляет, что существует разграничение между деятельностью в коммерческой сфере и другими социальными и экономическими видами деятельности. Заметим, что труд, и соответственно услуги, вовсе не обязательно непроизводительны в соответствии с первым критерием.

Второй критерий производительного труда имеет свои последствия для сферы услуг. Смит только косвенно говорит об услугах, обсуждая результат оплачиваемого труда. Это не тот же самый подход, что и прежде; теперь он использует физические рамки. О домашней прислуге, которую он только что объявил непроизводительной, он пишет, что ее труд: «не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи. Его услуги обычно исчезают в самый момент оказания их и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг».[2] В некоторых пунктах он возвращается к специфической особенности товаров, их долговечности, в то время как услуги исчезают в момент их предоставления.

---

[1] Smith A. An Enquiry into the Nature and the Causes of the Wealth of Nations. Milan: MetaLibri, 2007. P.258.
[2] Там же.

Услуги, следовательно, не производят товары. Заметим, что Смит не сказал, что такие виды деятельности не производят ничего вообще, и он не сказал, что результат их нематериален. Это Жан-Батист Сэй положил начало такой классификации. Смит больше подчеркивает отсутствие какого-либо материального продукта.

Преемники Смита подчеркивали недостаточность второго подхода. Именно на этой основе, которая основана скорее на практической интуиции, чем на теоретическом положении, они критиковали его за различие между производительным и непроизводительным трудом. Однако парадокс заключается в том, что для Смита не было никакой необходимости применять второй критерий.

Одним из первых авторов, который разрабатывал характеристики производительного труда, отличные от разработанных Смитом, был Жан-Батист Сэй (1767-1832). Сэй некорректно критикует Смита для того, чтобы в противовес утвердить, что услуги имеют результат. Но это не соответствует тому, что говорит Смит. "Непроизводительный труд", согласно Смиту, результативен, но этот результат невозможно распространять как обычный товар. Результат может также быть материальным, т.е. поддающимся наблюдению, но не быть товаром. Сэй не делает этого разграничения, не понимая идеи Смита. В итоге, он попытался исправить Смита, путем введения термина "нематериальный продукт", т.е. "продукт, который потребляется во время производства".[1] Фактически Сэй переместил проблему стоимости товара к ценности его полезности.

После того как услуги рассмотрены как производительные действия, Сэй задается вопросом взаимоотношения услуг с накоплением капитала. Это приводит его, несколько неточным образом, назад к Смиту, до такой степени, что он заявляет, что богатство нации не может опираться исключительно на услуги: «По самой своей природе, нематериальные продукты не могут быть накоплены, и они не способствуют увеличению национального капитала... Мы не можем согласиться с точкой зрения Гарнье, который заключает, что «так как труд врачей, юристов и т.п. является производительным, точно так же, как любой другой труд, большее количество такого труда является преимуществом нации...».[2]

Еще одним аспектом точки зрения Сэя на услуги, который представляет интерес для нашего исследования, является связь с тем, что мы сегодня называем теорией человеческого капитала. Сэй отмечает, что даже если для предоставления услуг не требуется сложная техника, услуги потребуют приобретения знаний и навыков: «Прежде чем врач может дать профессиональный совет, а его пациент может иметь от него пользу, врач или его пациент должны нести в течение многих лет издержки на обучение врача. То же самое относится и к совету адвоката, также как к певцу, музыканту и т.д. Кроме того, опыт гражданского служащего есть сам по себе инвестиции».[3] Со своим термином "нематериальное производство" Жан-Батист Сэй оставил

[1] Say J.B. Traité d'Economie Politique. Paris: Calman-Levy, 1972. P.122.
[2] Op.cit. P. 123-124.
[3] Op.cit. P.124.

четкий след в истории экономической мысли, часто еще и сегодня говорят о нематериальных инвестициях.

Из малоизвестных на сегодняшний день авторов исследуемого периода есть один, Г.Шторх, который выделяется, поднятием многих актуальных вопросов. В анализе Шторха существуют две основные темы: история общества состоит из комбинации, причем всегда разной пропорции и содержания, материального богатства и внутренних выгод. Производство материальных благ является движущим элементом в этом развитии. Несмотря на это, два сектора не конкурируют, а усиливают друг друга. Производство внутренних выгод отнюдь не приводит к сокращению национального богатства, но и наоборот является «мощным инструментом для его увеличения».[1] Эта последняя идея противоречит концепции его современников, что услуги препятствуют накоплению капитала. По сути, Шторх утверждает, что внутренние выгоды могут накапливаться, и что они способствуют эффективности и накоплению материального сектора экономики.

Другие классические авторы также касались проблемы услуг. Одни из них в своем исследовании дохода наций и в отношении определения области производства, богатства и дохода приняли позицию Смита: Рикардо, Мальтус, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль и некоторые другие экономисты.[2] Но общая тенденция теории в этот период была направлена на возвращение к "широкому" определению производства. Сторонники этой критической позиции, в принципе, солидарны с Сэем: Жермен Гарнье, Чарльз Ганил и Антуана де Трейси, Ф.Л.О. Ферье, которого Маркс считает «основным источником» Фридриха Листа.[3] Мы не будем рассматривать их идеи подробно, так как пытаемся обрисовать в общих чертах исторический путь теории услуг.

Вклад К. Маркса

В экономической теории Карл Маркс также классический автор, но мы выделяем его отдельно из-за его попытки научно обосновать разделение на производительный и непроизводительный класс.

Распространенная трактовка взглядов К. Маркса на услуги: услуги не производят стоимость, и косвенно никакая прибавочная стоимость ими не производится; но услуги, при определенных обстоятельствах, могут произвести прибыль. Эта интерпретация Маркса является некорректной и в этом обобщении (услуги не являются производительными), и в аргументах, которыми оно обычно поддерживалось (нематериальная природа услуг). Эта стандартная структура не подходит для того, чтобы полностью использовать потенциал марксистского понимания услуг.

Для Маркса было две категории услуг. Первая категория включает личные услуги, предоставляемые индивидам другими людьми, государством или коллективом. Вторая категория состоит из деятельностей, которые мы в начале XXI века классифицировали бы как услуги, но которые Маркс отдельно не

---

[1] Storch H. Cours d'Economie Politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Paris: Aillaut, 1823. P.517.

[2] Studensky P. The Income of Nations. N.Y.: New York University Press, 1958. P. 20.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.26. Ч.I. С. 243.

рассматривал как таковые. Сюда относятся транспортировка товаров, обслуживание товаров, машин и оборудования, а так же торговля, банки, страхование и бухгалтерский учет. Здесь он развивает два различных теоретических положения: транспорт и обслуживание являются производительными; торговая и финансовая деятельность нет.

Маркс не делает то же самое разграничение между производительным и непроизводительным трудом как делают другие классические авторы. Исследования Маркса концентрируются на том, является ли труд производительным с точки зрения капиталиста, и это означает, что труд должен произвести прибавочную стоимость так же как стоимость. Марксистское понятие производительного труда в отношении к капиталистическому производству может быть определено без ограничения относительно содержания производства. Из этого следует, что труд в сфере услуг производит стоимость и прибавочную стоимость, как только используется капиталом, вне зависимости от того материален ли результат или нет.

Во многих конкретных примерах Маркс фактически иллюстрировал это положение. Для начала то, что продает промышленность транспортировки товаров, это непосредственно транспортировка, и своего рода нематериальный продукт. Маркс определенно классифицировал эту промышленность как часть производства: «Отношение *производительного труда*, т.е. наемного рабочего, к капиталисту здесь совершенно такое же, как и в других сферах материального производства».[1] Второй пример дается в соответствии с различными комментариями относительно личных услуг. Например, «учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными работниками… Хотя по отношению к своим ученикам эти учителя вовсе не являются *производительными работниками*, но они являются таковыми по отношению к нанявшему их предпринимателю»[2], это же относится к антрепренерам театров, увеселительных заведений и т.д. Эти примеры не исключают возможность того, что эти действия приведены в движение капиталом.

Мы отмечаем, что Маркс не рассматривал материальную форму производства как необходимое условие для производства стоимости и прибавочной стоимости.

К этому основному пункту Маркс, как Смит, добавляет второй критерий, который обращается к материальной форме производства. Маркс подтверждает первый пункт, сосредотачиваясь на основных экономических отношениях капитализма. На этом уровне, форма продукта не имеет значения: работа, сделанная наемными работниками, производит прибавочную стоимость.

Второй критерий (материальность) имеет отношение с тем практическим фактом, что капиталистический принцип (произвести прибавочную стоимость) был главным образом достижим в области материального производства, по крайней мере, во времена Маркса.

Хотя явно и заявлено, что рабочие в сфере услуг производят стоимость и прибавочную стоимость, если они наняты капиталом, положение рабочих в

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.26. Ч.I. С. 422.
[2] Там же. С. 421.

торгово-финансовом секторе, государственных служащих, и рабочих, занятых домашним хозяйством менее ясно.

Неоклассическая теория услуг

Время становления неоклассической теории датируется скорее расцветом индустриальной стадии общественно-экономического развития, чем началом постиндустриальной. Тем не менее, возрастающее число представителей и сторонников неоклассики рассматривали общество как экономику сферы услуг.[1] Такое опережающее развитие экономической теории связано, по нашему мнению, с методологическим индивидуализмом, признанием отправным пунктом экономической жизни общества homo œconomicus.

Деятельность экономического человека универсальна. Где бы и по отношению к кому бы то ни было (и чему бы то ни было) она не осуществлялась, ее черты остаются неизменными. Вся или практически вся деятельность подчиняется требованиям рационального выбора, заключающегося в извлечении максимальной полезности из всех предметов, с которым соприкасается трудовая или потребительская деятельность homo œconomicus. Это означает, что она направлена на предоставление и получение услуг. Кроме того, рациональный выбор означает принятие экономически оправданных решений, т.е. постоянную работу с экономической информацией. Мы указывали, что информация может выступать в качестве специфической материальной основы услуги в тех случаях, когда при ее помощи формулируются условия извлечения полезного эффекта. Это, разумеется, не означает, что становление неоклассики явилось причиной возникновения информационного общества. Но мы вправе рассматривать экономическую жизнь общества, организованную на основе осмысления и использования экономической информации, как малое информационное общество.

Неоклассическую теорию услуг условно можно разделить на два периода: 1850-1930-ые гг. и 1930-1970-ые гг.

В экономической теории 1850-1930гг. наблюдаются две тенденции. Прежде всего, как уже отмечалось, экономические отношения в капиталистическом обществе более часто описываются как отношения услуг.

Вторая тенденция - увеличивается внимание, обращенное на определенные услуги, в особенности, на предоставляемые государством. Эти две тенденции не обязательно взаимодополняющие. С одной стороны, концептуальная однородность всех экономических видов деятельности была признана и защищена теми, кто подчеркнул на теоретическом уровне понятие полезности. Это было, с их точки зрения, логическим завершением методологической критики трудовой теории стоимости. С другой стороны, возник вопрос: как быть с услугами, которые часто принимают форму услуг, предоставляемых государством. Для одних экономистов это не было проблемой, по крайней мере, не в их исследованиях. В эту категорию попадают немецкие экономисты, принадлежащие Исторической школе (Вильгельм Рошер, Лоренц фон Штайн, Альберт Шэффле и Густав фон Шмоллер), они развивают теорию

[1] Ф.Бастиа, К.Колсон, Л.Вальрас, А.Маршалл и др. считают, что экономические отношения являются отношениями услуг.

производительности войн и армии. С другой стороны, другие экономисты, такие как Колсон, фокусируются на расширении общественно предоставляемых услуг. Работа этих экономистов показывает аналитическую трудность применения доктрины экономических видов деятельности как действий по оказанию услуг в период, в течение которого общественно-оказываемые услуги занимали доминирующее положение.

Итак, каждый вид деятельности является услугой, материальные вещи сами предоставляют услуги (эта идея, на самом деле, была уже у Сэя). Так К.Колсон пишет: «Мы часто используем определенные товары, без уничтожения или уменьшения их полезности; они не потребляются, и возникает понятие получения услуг от материальных вещей»[1]. К. Колсон выделят три основные черты услуг.

Первая характеристика услуги заключается в том, что она производится, так же как и богатство, то есть материальное богатство. Колсон в своей терминологии придерживается старых различий между богатством и услугами, «которые исчезают в тот самый момент, когда их полезность, передается в результирующий продукт»[2]. Производство богатства и услуги, тем не менее, считаются аналогичным: «Производство имеет столь мало общего с формированием материальных объектов, что его экономическое значение остается тем же, если производство превращается в потребление для наших нужд, в качестве оказанных услуг, или в какой-то материальный объект. Труд врача, который восстанавливает кому-то здоровье, столь же производителен, как и труд фермера...»[3].

Во-вторых, для любого производства требуются услуги: услуги труда, природных ресурсов и капитала.

В-третьих, потому что производство никогда не создает материальные объекты, а только трансформирует их, все фирмы, независимо от сектора, в котором они действуют, находятся в одинаковом положении: они продают, а не изготавливают то, что они продают. «В принципе, все они участвуют в торговле, с учетом того, чтобы иметь выгоду»[4]. Таким образом, неправильно критиковать коммерческих торговых посредников: нет никакой разницы между ними и другими фирмами [5].

По сути, мы видим у Колсона то, что позднее было приписано Вальрасу. Вальрас отмечает, что услуги бывают двух видов. «Есть такие услуги, которые поглощаются как таковые в ходе частного либо общественного потребления: таковы свойство дома быть укрытием, консультации адвоката, врача, пользование мебелью, одеждой. Мы будем называть их потребляемыми услугами. А есть такие, которые преобразуются сельским хозяйством, индустрией, торговлей… в продукты: таковы плодородие земли, труд рабочего, использование машин, станков, инструмента. Мы будем называть их производительными услугами»[6]. Вальрас также допускал бесконечное число

---

[1] Colson C. Cours d'Economie Politique. Paris: Gauthier Villars & Alcan, 1924. P.14.
[2] Op.cit. P.15.
[3] Op.cit. P.21.
[4] Op.cit. P.63.
[5] Op.cit. P.63.
[6] Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000. С.152.

средств производства и соответствующих услуг. Так капитал, кроме услуг, которые потребляются непосредственно или трансформируются в продукты, может также оказывать услуги снабжения, которые в свою очередь могут потребляться и использоваться в производстве[1].

Таким образом, в период 1850-1930 гг. было установлено, что услуга является всеобщим свойством экономической деятельности. Стимулом к этой деятельности является экономическая потребность, заставляющая принимать хозяйственные решения по использованию ограниченных ресурсов. Ресурсом выступает любое экономическое благо, будь то фактор производства, предмет потребления, труд обслуживающего персонала.

Следующий период исследования 1930-1970 гг. Эти годы представляют собой время, в течение которого появились и стали широко использоваться новые термины и понятия, касающиеся структурного анализа развитых в экономическом отношении обществ и их дальнейшего развития. С этого периода вводится понятие трех секторов и сам термин "третичный сектор", подразумевается, что услуги - относительно однородный экономический объект.

Основные работы, которые установили разделение трех секторов, были созданы Алланом Г.Б. Фишером, Колином Кларком и Жаном Фурастье. Эти авторы, каждый по-своему, обозначили отчетливый разрыв с существовавшими ранее более теоретическими подходами. Их подходы носили намного более практическую направленность, с акцентом на статистические наблюдения. В развитых экономиках, стремящихся к дальнейшему росту, измерение продукта и производительности стало центром внимания.

Разделение экономики на три сектора занимает наиболее центральное место в работах Фурастье, чем Фишера или Кларка. Фурастье поднимает основные дискуссии относительно изменения в конечном потреблении (различная форма кривых Энгеля), а также выдвигает «современные» аргументы, для того чтобы объяснить возрастающий спрос на услуги, и относительно спроса на общественные услуги, и относительно услуг для производства (более интеллектуальные формы труда, различные формы управления, внутрифирменные услуги). Он также выдвигает такое современное заявление, что «использование продуктов вторичного сектора требует времени, тогда как использование этих же продуктов третичного сектора экономит его»[2], потому что можно заменить услугами товары, чтобы удовлетворить те же самые потребности.

Касательно отношений между производством и потреблением в любой теории всеобщего равновесия (или нарушения равновесия) возникает много проблем в области отношений между промышленностью и сферой услуг, деиндустриализацией и противоречащими эффектами увеличения доли услуг в совокупном росте.

В то время как эти вопросы подняты авторами, принадлежащими классической школе, они в значительной степени проигнорированы и кейнсианской, и неоклассической школами, которые все еще не различают производство товаров и услуг в анализе экономических структур.

---

[1] Там же. С.152.

[2] Jean Fourastié. Le grand espoir du XXe siècle. Paris, PUF, 1949. P. 314.

Экономический анализ включает в себя разделение трех секторов, но это, однако, объект обсуждения. Мы должны упомянуть о дебатах между Алланом Г.Б. Фишером и П.Т. Бауером, Базилем М. Ямэйом и С.Г. Триантисом. [1] В начале 1950-ых эти последние авторы выделили:

1) Трудности, которые возникают, если пренебрегать третичным производством внутри промышленности.

2) В определенных условиях развития, возможны изменения в направлении занятости в третичном секторе за счет занятости в первичном секторе.

3) Слабость гипотезы, которая заявляет, что существуют отношения между ростом ВНП на душу населения и долей занятости в третичном секторе, при этом, не имея точного определения какие именно отрасли относятся к сфере услуг. Есть отрасли, относящиеся к сфере услуг, которые, вероятно, будут характеризованы ясной и уверенной связью с ВНП на душу населения; тогда как, для других отраслей, эта связь может быть слабой или даже отрицательной.

Однако эти проблемы не останавливают широкое распространение использования модели трех секторов, особенно в исследованиях экономического роста и при международном сравнении.

В то время как три десятилетия 1935-1965гг. составили период, в течение которого достигло зрелости понятие третичного сектора, это также был период, во время которого была установлена терминология, определяющая главные компоненты этих трех секторов, в том числе в отношении систем национальных счетов, развитых национальными статистическими службами. Как нам представляется, здесь проходит некоторый рубеж, когда был подведен определенный итог, создана база для дальнейшего совершенствования экономической теории услуг, что определило цель нашей статьи и позволило взглянуть на предшествующее развитие истории и теории услуг с единых методологических позиций.

Список использованной литературы:

1. Colson C. Cours d'Economie Politique. Paris: Gauthier Villars & Alcan, 1924.
2. Fourastié J. Le grand espoir du XXe siècle. Paris, PUF, 1949.
3. Gabler Wirtschafts-Lexikon. 15 Auflage. Gabler Ver1ag, 2001.
4. Say J.B. Traité d'Economie Politique. Paris: Calman-Levy, 1972.
5. Singelmann J. The Sectoral Transformation of the Labor-Force in Seven Industrial Countries, 1920-1960. Austin: University of Texas, 1974.
6. Smith A. An Enquiry into the Nature and the Causes of the Wealth of Nations. Milan: MetaLibri, 2007.
7. Storch H. Cours d'Economie Politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Paris: Aillaut, 1823.
8. Studensky P. The Income of Nations. N.Y.: New York University Press, 1958.
9. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч., общ. ред. А.И. Доватура. - М.: Мысль, 1984.
10. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф, 2000.

[1] Более детальный обзор этих дебатов см.: Singelmann J. The Sectoral Transformation of the Labor-Force in Seven Industrial Countries, 1920-1960. Austin: University of Texas, 1974.

11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Русский язык, 1980.
12. Дятел Е.П. Системный анализ объекта и предмета политической экономии в «Капитале» К. Маркса. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987.
13. Дятел Е.П. Экономический образ мышления (представления, понятия, система категорий). Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 1998.
14. Капелюшников Р. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика // Вопросы экономики. 2006. №10.
15. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т.: Пер. с англ. 11-е изд. М: Республика, 1993.
16. Маркс К.и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд.2.
17. Нуреев Р.М. Курс микроэкономики. Учебник для вузов. М.: Норма, 2000.
18. Пространственная организация общества: сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.И. Татаркина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 2007.
19. Рынок услуг ФРГ // БИКИ. 2006. 6 июня (№63).
20. Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х томах. СПб.: Экономическая школа, 2001.